

ИММИГРАНТЫ И ИХ РЕЧЬ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Америка - страна иммигрантов. Как осваивали новый для себя образ жизни, язык, менталитет их первые поколения, приехавшие в уже сложившуюся страну в XIX-XX-м вв.? Как известно, «менталитет» означает общий психологический аппарат представителей определенной культуры, который позволяет сознанию интегрировать хаотический поток жизненных впечатлений в единое национально-специфическое мировосприятие [2, 21]. Выясняется, что именно менталитет нового иммигранта устойчивее к влиянию новой обстановки, чем родной язык. В иммигрантских семьях в третьем-четвертом поколениях сохраняется морально-этический «дух» далекой родины, ее традиции, кухня, праздники, религия [3; 12].

Во второй половине XX в. в англоязычном мире появилось сразу несколько имен, раскрывавших своим новым соотечественникам жизнь на сломе двух менталитетов, двух культур, двух оценочных систем. Наиболее известной из них стала американка китайского происхождения Эми Тэн (1952 -), родившаяся уже в США. Ее книги - *The Joy-Luck Club* (1989), *The Kitchen God's Wife* (1991), *The Hundred Secret Senses* (1996), *The Bonesetter's Daughter* (2004) - посвящены конфронтации привычного для родителей китайского и нового для них, но привычного для их детей американского образа жизни, образа мышления, языка. В романах Э. Тэн, как и в произведениях пакистанок Али Смит (Ali Smith), Зейди Смит (Zadie Smith), индийца С. Рушди (S. Rushdie) этот конфликт представлен в авторской речи описаниями коллизий, постоянно возникающих между разноориентированными сторонами, и в диалоге, через а-грамматичность речи тех, которые были первыми:

'Too busy for mother', LuLing complained 'Never too busy go see movie, go away, go see friend' (24, 13).

«Дочь костоправа» Э. Тэн открывается своеобразным прологом - это повествование от 1 л. ед. ч. - Лулинг (Luling Lin Young) начинает нечто вроде исповеди о своем детстве и юности в Китае, адресуя рассказ своей дочери - Рут (Ruth Young), рожденной уже в США. Язык повествования абсолютно нормативен, в отличие от диалогов, имеющих место позже, в процессе развертывания сюжета. Несовпадение объясняется тем, что свои воспоминания она пишет по-китайски (Mandarin Chinese), а Устное общение с дочерью осуществляется по-английски - английским она так и не овладела. Ср. еще:

curse-you kind, maybe do you damage forever, never can change after that" (24, 13).

Luling went into excruciating detail over the infinite meanings of Chinese words "Secret not just mean cannot say. Can be hurt-you kinda secret or

Ситуация, описываемая Э. Тэн, повторяется в историях иммигрантов из других стран. Об украинцах, отправившихся в далекие края в поисках лучшей доли, первым в 1895 г. написал В.Г. Короленко в повести «Без языка». Сначала удивление, а потом ужас охватывает волыньских крестьян, уехавших из тихого села Лозищи и оказавшихся в Нью-Йорке «без языка», в центре бегущей, толкающейся, шумной толпы, окруженных махинами, на которые «посмотришь - шапка свалится» [6, 32], вокруг которых снуют «кучи каких-то уличных дьяволят, совсем черных, как хорошо вычищенный сапог», а над головой «лязгает железо о железо и на всех парах летит поезд» [там же]. Мучительные попытки приспособиться к монстру-мегаполису ломают человека, и даже если он не тонет в этом безразличном к нему мире, все равно, «сердце его сжимается сильною жгучею печалью <...> Уехать ... туда... назад ..., где его родина» [там же, 145], - думает даже прочно вставший на ноги в Новом Свете лозищанин Матвей.

Общественный интерес к нашим бывшим соотечественникам за рубежом, вспыхнувший после издания «Без языка», угас с появлением животрепещущих проблем начала нового века и вновь ярко проявился только в конце 80-х - начале 90-х годов XX века. Непривычное в СССР сочетание «украинская диаспора» широко вошло в обиход историков, культурологов, политологов, что отразилось в огромном количестве публикаций. Достаточно сказать, что библиографический указатель «Українське зарубіжжя» за 1990-2002 годы содержит около 5000 наименований монографий и статей, посвященных украинской диаспоре. Из них особенно репрезентативны Канада (свыше 200 публикаций) и Австралия (около 150) [15].

В этот же период распространились национально-культурные общества, которые выступили инициаторами возрождения языков, обычаев, традиций, художественно-культурных достижений этнических меньшинств [8, 261].

В украинской иммиграции различают три волны: рубеж XIX - XX вв., 20-е - 30-е годы и 40-е годы XX в. Из общей массы украинских эмигрантов третьей волны (после второй мировой войны) 20.000 - из немецких и австрийских переселенческих лагерей - иммигрировали в Англию, 80.000 - в США, 30.000 - в Канаду, 20.000 - в Австрию, 10.000 - в Бельгию, 10.000 - во Францию, 7.000 - в Бразилию, 6.000 - в Аргентину [14, 678].

«В материальном плане они устроились лучше своих соотечественников, оставшихся в Украине, однако они заплатили за это немалую цену переживая ностальгию, психологическую несовместимость, отчужденность, дискриминацию» [там же, 679]. Неслучайно исследователи говорят об иммиграции как о «не только внешнем, но и внутреннем изгнании» [11], в котором существенно изменился украинский характер: «В новых геополитических условиях, в ином этнокультурном окружении украинские иммигранты проявили личностную и национальную «пассионарность», подавив бунтарские настроения, исконно присущие «казацкой вольнице» <...>. В эмиграции рационально-волевые и творческие силы как энергия самозащиты подавили бунтарскую природу» [10, 111].

Первое поколение любых иммигрантов, в том числе украинских, всегда чувствует себя в новой стране неуютно, ибо основным фактором в отношениях с обществом служит его разделение на «своих» и «чужих» [7]. Ср.: *We spoke a different language from our neighbours and we ate different food, and worked hard and kept out of everybody's way* (22, 48), т.е. «мы, чужие, иммигранты» старались быть незаметными, не привлекать внимания, чтобы ненароком не рассердить приютившую нас страну.

Этноцентричность свойственна всем нациям [7, 375]. Именно на оппозиции «свой vs чужой» основаны этнические дерогативы - этнофобизмы: кацап, хохол, китаёси, япошки, Wops, Kikes, Froggies, Japs и пренебрежительное отношение ко всему «не такому, как у нас» [17]. Ср.:

"this Mr. Jokic or Pan Jokic or Gospodin Jokic or whatever he calls himself..." (21,51).

Вхождение в новую культуру для взрослого человека часто мучительно. «Не пересаживай старое дерево», говорит народная мудрость. Действительно иммигранту приходится изменять привычные концепты, подгоняя их под новые или просто «транслитерируя» последние. Например, в 70-е - 80-е годы XX в. число выходцев из СССР в США, в частности, из Одессы в Нью-Йорк, выражалось столь внушительной цифрой, что один из районов мегаполиса стали называть *Little Odessa*. Здесь в продаже появились привычные для южан селедка, квашеные помидоры, кислые огурцы, английские аналоги которых *salt fish, marinated vegetables* никак не передавали концепт, стоящий за исконным словом. Эта неадекватность проявляется в использовании транслитерированного обозначения. «Мы взяли *в рент* машину (телевизор, пылесос); мы живем в *двухбедрумном апартаменте*; к нам приходит *хоматендент*» и пр. - это постоянные единицы в словарях наших бывших соотечественников, и используются они не потому, что в русском языке нет выражений «напрокат, спальня, социальный работник», а потому, что концепты, обозначаемые лексическими аналогами в двух концептосферах не совпадают¹: двухбедрумный - это трехкомнатный; хоматендент (*home-attenda* - это социальный работник не только с бытовыми, но и с медикскими обязанностями и т.д. Указанное явление сходно с макароническим стилем, тоже свойственным иммигрантам, общающимся на родном языке: «Нулевые, пустые, паразитарные концепты проявляются как английские варваризмы, используемые в речи на русском языке вместо русских слов без смысловой дифференциации. Они проявляются в

¹ Ср. у Короленко: «Письмо было от мужа, из Америки, из губернии Миннесота, а какого уезда и села, теперь сказать трудно, <...> Он работает на *фирме* <...> и посылает ей *тикет* - вот эту синюю бумажку, которую теперь нужно беречь, как зеницу ока» [6, 10] И «фарма», и «тикет» для украинского крестьянина 90-х годов XIX в. были новыми концептами, для которых не нашлось эквивалента в родном языке, потому что привычный «надел» и картонный квадратик на «железку» называли иные понятия.

речи людей, часто говорящих по-английски - преподавателей английского языка, эмигрантов, переехавших в США и Канаду, студентов и школьников, изучающих английский. Весьма часто люди, использующие макаронический стиль смешения языков, оставляют английские корни слов и добавляют русские аффиксы» [4, 212-213].

Второму поколению иммигрантов, а также маленьким детям, приехавшим с родителями, легче: они ходят в общую с местными школу, для них исчезает языковой барьер, они вырастают билингвами, осваивая «языковую компетенцию представителей чужой культуры» [16, 223]. Действительно, если об их родителях можно сказать словами из романа Нобелевского лауреата Дж. Козтзи: *They floundered in the language and could not get a grip on local way of doing things* (21, 195), то второе поколение - это звено между двумя этноконцептуальными картинами мира - родительской, сформировавшейся на оставленной родине, и новой, которую предстоит освоить. Как правило, они хорошо владеют «внешним», в нашем случае английским, языком, которым пользуются во всех ситуациях вне дома, и «внутренним» - домашним, используемым в общении с родительской семьей и братьями - иммигрантами. Третье поколение почти повсеместно теряет исходный язык. Даже состарившиеся первопроходцы, в отрыве от своего живого языка, «застывают» со словарем, орфоэпией и грамматикой, характерными для речи их молодости, и их дети повторяют их американизированный, англизированный и т.п. исходный язык, что выделяет их из естественной речевой среды (в нашем случае, украинской) как иностранцев, т.е. когда-то «своих», но теперь «чужих».

Конечно, послевоенная волна украинской диаспоры прилагает немало усилий, чтобы сохранить «украинский дух» за рубежом. Например, «в Австралии живут тридцать тысяч украинцев. В Мельбурне, Аделаиде, Сиднее ее украинская речь звучит в храмах, на радио, в спецшколах» [9,109] на всех континентах детские самостоятельные коллективы с упоением отплясывают гопак и «на Великдень» надевают вышиванки, привезенные из Украины, однако, их картина мира, концептуализированная не украинским, а английским языком, - иная, чем та, которую вывезли с родины их родители.

Подтверждением всему сказанному может служить первый роман не совсем юной debutантки Марины Левицкой (Marina Lewycka, 1946 -) с несколько неожиданным названием «Короткая история тракторов по-украински» [22]. При том, что 2005-ый год был для Англии «литературно щедрым» [19, 42] и ряд именитых и выходящих в именитые писателей (К. Ишигуро, Дж. Козтзи, Дж. Варне, З. Смит, А. Смит) выпустили весьма удачные книги, «История тракторов» произвела своеобразный фурор, попала в номинанты на Букер [13] и прорвалась к весьма престижному призу им. П.Дж. Вудхауза - *Brit Wit*, которым один раз в два года награждается самый остроумный и юмористический роман.

Что касается, юмора, наше мнение о «Тракторах» серьезно расходится с мнением жюри, и нам представляется, что ажиотаж вокруг романа был вызван, во-первых, тем, что М. Левицка вспахала тематическую целину и впервые в английской литературе показала историю украинских иммигрантов и их детей. Во-вторых, тем, что «этническая привязка» не помешала автору коснуться многих животрепещущих проблем современной жизни: как быть с одинокими стариками? В какой степени их взрослые дети могут диктовать им правила и условия жизни? Что делать с потоком экономических иммигрантов? Где заканчивается толерантность и начинается ксенофобия? Эти и другие «вечные» проблемы затрагиваются в рассказе о Николае Маевском, старике-украинце 84-х лет от роду, эмигрировавшем в Англию в конце 40-х годов XX в. Его старшая дочь Вера родилась в 1936 г. в Украине. Она давно разведена, у нее две взрослые дочери. Из-за своего жесткого безапелляционного характера она всю жизнь враждовала с отцом. После смерти матери, которая как-то склеивала семью, контакты, отца и дочери даже телефонные, совсем прервались. Младшая на 10 лет Надежда родилась уже в послевоенном Киле, на пути семьи в эмиграцию. Она тоже мать взрослой дочери, профессор-социолог, у нее удачно сложилась собственная семейная жизнь, и она - любимица отца.

Именно ей он сообщает по телефону, что после двухлетнего вдовства решил жениться на пышногрудой блондинке Валентине, которая моложе обеих его дочерей.

Борьба с хищницей, которой старик нужен как пропуск к британскому паспорту, которая унижает, оскорбляет и даже поколачивает выживающего из ума любителя рубенсовских форм, объединяет сестер. Они впервые услышали друг друга по-настоящему, их многолетняя междоусобица постепенно растворяется в желании выдворить нахалку и устроить отца в приличный дом престарелых.

Книга называется так странно потому, что отец, всю жизнь помешанный на технике, пишет историю трактора как движущей силы прогресса, на своем родном украинском языке, т.к. несмотря на полстолетия в Англии, ее языком и образом мыслей он так и не овладел:

Just imagine, Nadia, these English people will spend one hundred pound to save the life of a cat or dog that can be pick up in street for nothing (22,68)

А-грамматичность его речи и речи Валентины, приехавшей из Тернополя, демонстрирует их слабое владение английским языком:

Please, Nadia, why you asking so many question? (297). *Name is Margaritka. Is name of my friend Margaritka Zadchuk, <... > is name of most famous English President Mrs Tatsher* (299).

Многочисленные авторские указания на нарушение произносительных норм:

Lady Di (pronounced *Lye Dee Dee*) (175).

'She has assured me' (He pronounces it with three syllables -a - shoo - red) (75).

*I no time eating Only sandwich' (she pronounces it sanyeedge) (154).
'of course, this question of psychological' (he pronounces both consonants: p, s)'
determinism is very interesting' (90).*

Здесь следует отметить два обстоятельства. Первое - это генерализация отклонений от нормы: Дж. Коэтзи, пишущий о хорватке Марьяне [21], Э. Тэн [24] - о китаянке Лу Линг, С. Рушди - об украинской "картофельной ведьме" [23]. М. Левицка - о двух поколениях украинской семьи - все показывают недостаточность владения языком новой страны, используя одни и те же средства. Особенности исходного языка не отражены. Владение им оказывается не важным: Дж. Коэтзи и С. Рушди, не владеют хорватским и украинским. В то же время Э. Тэн - китаянка во втором поколении, для М. Левицкой украинский - это язык дома, семьи, который она предположительно знает и в романе даже переводит куски отцовской рукописи для своего мужа - англичанина Майка.

Второе обстоятельство касается только романа М. Левицкой, в котором постоянно и непростительно путаются, идентифицируются и искажаются украинский и русский языки. Так, непонятно происхождение Валентины: *That blonde Ukrainian divorcee coming with her son from Ukraina, Ternopil in Ukraina* (1). На суде она требует *украинского* переводчика. Ее бывший тернопольский муж Дубов говорит с новым - английским - мужем *по-украински* и по-украински же (?) обращается к зятю хозяина - англичанину Майку: *Mikhail Gordonovich (Mike's father was called Gordon. If there is a Russian equivalent, no one knows what it is), could it work in a country like Ukraine?* (279).

Дружелюбные беседы двух мужей идут *по-украински*, что подчеркивает автор, не забывая при этом привести *русскую* ассоциацию:

*"Come, come, Volodya Simeonovich', murmurs my father in Ukrainian
<...> I have never heard him use the patronymic before. Now he and Dubov are
starting to sound like something out of War and Peace* (252).

В романе повсеместно, в качестве абсолютного синонима к «украинскому», употребляется «русский»:

*My father bows [to the woman - Solicitor] low, in the old Russian way (159).
It sounded like something out of Russia in the 1930s (219).*

*Her parents called her Nadezhda, after those Nadezhdas they had left
behind, for the name means 'hope' (318).*

Хочется спросить, на каком же все-таки языке говорили уроженцы Тернополя, если дочь зовут не Надія, а Надежда, а папу - не Микола, а Николай. О «Володе Семеновиче» и говорить не приходится, так же, как об обращениях матери к мужу

Nikolai! Kolya! Kolyusha! Kolka! (45, 171).

Hey, hey, Nikolashka! (143) - или о последующих именах-отчествах *Nadia Nikolaeva* (297) — в смысле «Николаевна» и *Liudmilla Mitrofanova* (50) в смысле «Митрофановна».

При том, что читателю в заголовке и на первой странице сообщили, что речь идет об украинских иммигрантах, и злодейка Валентина - их

соотечественница, сестры комментируют: *look at him drooling over this painted Russian tart (77-78) [Valentino] ... is characteristic of the Russian type (170).*

Только что отметив, что Валентина потребовала *украинского* переводчика на суде, одна сестра с негодованием отвечает другой: *'She said that? .*

'Yes. In Russian. She said all in plain Russian' (139).

Это смешение тем более непонятно потому, что герои философствуют Далее: *The language is supremely important. In the language are encapsulated not only thoughts but cultural values* (139-140).

Тем временем с «языком, передающим мысли и ценности народа» М. Левицкая обращается весьма вольно. В романе не только взаимозаменяются русский и украинский, но и звучат совсем уж непонятные образования. Например, четырнадцатилетний Станислав не одобряет автомобиль: *Auto ne prestijeskiy* (86). Любимая кепка героя называется *lordovska keпочka (meaning cap as worn by aristocracy)* (130). Он же рассуждает об американском капитализме, называя последний *amerikanskiy kapitaleesm* (278) и о понятии, называемом *immigration bureaurazia* (124). Жена при жизни постоянно называла его *holubchik, my little pigeon* (82, 131, 173 etc), Когда еще в молодости, рассорившись в очередной раз со старшей дочерью, он демонстративно собирает чемодан и «едет на родину», «to Ukraina», жена умоляет его вернуться: *'Kolyusha, it's a long way to Russia. At least come home and have something to eat first <...>, then you can go to Russia <...> I've got a lovely beetroot soup. And kotletki - your favourite kotletki, with spinach and beans from the garden* (173).

Отнесем «котлетки» вместе с «голубчиком» и «лордовской кепочкой» к лингвистической забывчивости автора. Но ее подводит и память о традиционных украинских блюдах, в которые она включает майоран и индейку (*Christmas dinner, fragrant with marjoran and kasha stuffed in the plump tummy of the bird* - 110), а также процитированный выше гарнир из шпината, или яблоки: *they were still good for Apfelstrudel and Blini* (18).

Автор довольно непоследовательно отражает ломаную английскую речь персонажей. Если она закономерна при их общении с носителями английского языка (мужем героини Майком, адвокатом, социальным работником и т.п.), то она совершенно неуместна между участниками диалога, предположительно общающимися на родном (украинском) языке: *Valentino runs on my father 'You no good man. You plenty-money meanie <... > Crap car. Crap husband Hophoo!' she spits'* (87)

"Look Valenka. Is exactly same cooker '.<...>

'You wife peasant Baba. Peasant Baba, peasant cooking' (88) Слово *baba*, остается не объясненным и тем более загадочным, потому что ранее оно появлялось в ином контексте: *When / was a little girl, Baba Sonia used to tell me... (62)* или: *Ludmilla's mother, now a grandmother, was called Baba Sonia* (166).

Книга рассчитана на англоязычного читателя, но не объясняет украинских реалий: *we had some refreshments and Ukrainian samohonka* (8), *they were saved by the remoteness of their khutor* (66), *the kolkhozy* (33) множ. число!

were not efficient (81). Внучка приветствует деда *Hi, Dyid* (75). Герой соглашается с собеседником *Tak, tak* (16, 75, 108 etc), и хвалит автомобиль *This car is better than a Zill* (178). Отсутствие пояснения в последнем случае уничтожает импликацию: «ЗИЛ - большой, престижный правительственный автомобиль»; а удвоение последней согласной лишает название смысла даже для славяноязычного читателя.

Так же, как вышеприведенные «колхозы» фигурировали в украинском грамматическом оформлении множественного числа, появляется не объясненный украинский родительный падеж английских существительных, что превращает цитату в абракадабру: *She talked in her own DIY language - Ukrainian sprinkled with words like handheldblen der a, suspenderbeltg* (8).

Недостаточно точно выписан исторический фон. Например, НЭП и перепрофилирование Харьковского локомотивного завода в танкостроительное предприятие в Челябинске во время войны сведены в единое время. Здесь же Челябинску присвоено имя Танкоград (Tankograd) (121- 122). Довольно расплывчаты пространственные ориентиры: во время своей учебы/работы в Киеве героини проживают в Бабьем Яру (Babiy Jar), топонимы представлены то в украинской (Lviv, Luhansk), то в русской (Khar'kov) огласовке.

Многочисленные ласкательно-уменьшительные суффиксы при именах собственных, тоже русского происхождения (Valenka, Nadenka, Kolenka, Koliusha, Verochka, Millochka), для англоязычного читателя не несут никакой импликации о ситуации общения и отношениях участников диалога.

Описанные и подобные неточности, огрехи, смещения можно объяснить тем, что М. Левицкая почти забыла язык родителей и вспоминает его спорадически, как **понятные** вкрапления в собственную английскую речь, что привело ее и к отсутствию пояснений (синонимов, перевода), имеющих в романе украинских реалий.

В свое время, помещая действие своих произведений в Испанию, Италию, Францию, Э. Хемингуэй выработал целую систему пояснения иноязычных вкраплений, реалий, даже развернутой речи на чужом языке. Так, например, почти весь диалог романа «По ком звонит колокол» предположительно ведется на испанском языке. Читатели, не знавшие испанского, приняли предложенное автором утяжеление синтаксических конструкций, введение местоимений *thee, thou* «за чистую монету» - как удачно найденный способ передачи не-английской речи. Только через тридцать лет после ошеломительно успешного выхода книги в свет эту находку как псевдо-испанизацию разгромил лингвист-испанец [18].

Помимо указанной авторской непоследовательности в передаче украинской языковой и культурологической специфики, в вину М.Левицкой можно поставить и излишне подробное цитирование манускрипта, посвященного истории тракторов, который пишет герой романа и который дал название книги. Выделенные курсивом абзацы и целые страницы - это вставные тексты, имеющие метанарративный характер [1], т.е. никак не связанные с

сюжетом и легко извлекаемые из основного текста романа. Их художественную функцию в нашем случае определить трудно: они не проясняют причинно-следственную связь прошлого и настоящего, они не углубляют психологические портреты персонажей, они не создают достоверный фон происходящего, как это имеет место при включении мегатекстов в произведение, например, М. Этвуд, Н. Мейле. ра, С. Рушди и др. Можно предположить, что М. Левицкая в своем первом произведении пошла по пути Ст. Кинга, который в «Руководстве о писании книг» советовал увеличивать объем романа до требуемых издателями параметров за счет включения в него разного рода «привходящих материалов» - дневниковых записей, газетных статей, писем и под. [5].

У «Короткой истории тракторов» есть несомненные достоинства - и] М. Левицкая создала достаточно живые образы участников необычной коллизии, она рассказала своим нынешним соотечественникам о сложностях интеграции двух культур и двух языков. Наконец, она ввела понятие «Украина» в литературный обиход и сделала это в год особой популярности нашей страны в западном мире. У романа любимый читателями хэппи энд - возмутительница спокойствия уехала, отцовский труд завершен, сам он устроен в очень симпатичный дом для престарелых, сестры помирились - все хорошо! А недостатки, отмеченные нами, отнесем за счет неопытности начинающего автора.

При этом проблемы, связанные с процессами изменения картины ; мира, сформированной у языковой личности в одной этноконцептосфере, при перемещении индивидуума в другую, а также возможность (относительно) адекватного их отражения в художественной прозе остаются нерешенными и ожидающими дальнейших исследований.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. VIII. - М.: Прогресс, 1978. - С. 402-424.
  2. Гудзь В.В. Український менталітет як чинник етнонаціонального розвитку // Етнонаціональний розвиток в Україні та стан української етнічності в діаспорі: сутність, реалії конфліктності, проблеми та прогнози на порозі XXI століття. Тези п'ятої міжнар. конф. 22- 25.05.1997 р. - Київ-Чернівці, 1997. - С. 21-23.
  3. Зубанич Ф. Позичений континент. Документальні новели про українців Австралії // Вітчизна, 1993. - № 1 (с. 122-135); № 2 (с. 120-131); № 3-4 (с. 91-103); № 5-6 (с. 136-148); № 7-8 (с. 105-114).
  4. Карасик В.И- Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - М.: Гнозис, 2004. - 390 с.
  5. Кинг Ст. Как писать книги. Мемуары о ремесле. - М.: АСТ, 2002. - 316 с.
  6. Короленко В.Г. Без языка // Собр. соч. в 10-ти тт. - Т. IV. - М.: ГИХЛ, 1954.-С. 7-145.
  7. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? - М.: Гнозис, 2003.-375 с.
  8. Литвин В.М. Україна на межі тисячоліть (1990-2000 рр.). - К.: Альтернативи. - 360 с.
  9. Михайленко А. За тридевять земель ... // Радуга, 1991. - № 12. - С. 109-120.
  10. Павлюк С. Хто він, зарубіжний українець? // Віче, 1993. - № 4. - С. 109-117.
  11. Рубиак М. Українці у вигнанні: Забуття тепла батьківського вогнища // Політолог. Читання, 1995. - № 1. - С. 115-159.
  12. Руденко-Десняк А. Дом вдали от дома. Несентиментальные путешествия (Украинцы в США и Канаде) // Дружба народов, 1991. - № 7 (с. 156-175); № 8 (с. 222-243); № 9 (с. 188-212).
  13. Самбрус Н. Букер взяли тракторами // Бизнес, 2005. - № 33. - С. 57.
  14. Субтельний О. Україна: історія. - Вид. 3-є, переробл. і доповн. - К.: Либідь, 1993. - 718 с.
  15. Українське зарубіжжя: Бібліографічний покажчик / Ін-т досліджень діаспори. - К.: Стило, 2002. - 284 с.
  16. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность: Сб. ст./ Ин-т русск. яз. РАН. - М., 1995. - С. 213-223.
  17. Юнацька А.Б. Вербалізація стереотипів іспаномовної культури в американському варіанті англійської мови: Автореферат канд. дис. ... філол. наук. - Запоріжжя, 2006. - 16 с.
  18. Baker C. E. Hemingway. L.: Collins, 1969. - 702 p.
  19. Kemp P. It's Been a Very Good Year // The Sunday Times. Culture. Nov. 27, 2005. - P. 42-44.
  20. Stewart M. First-time. Author Hits a Rich Vein of Comedy // Saga Magazine, 2005. - N 11. - P. 108-111.
- Иллюстративный материал**
21. Coetzee J. Slow Man. - Secker & Warburd, 2005. - 263 p.
  22. Lewycka M. A Short History of Tractors in Ukrainian. - Viking, 2005. - 324 p.
  23. Rushdie S. Shaliman the Clown. - Cape, 2005. - 398 p.
  24. Tan A. The Bonesetter's Daughter. - Harper Perennial, 2004. - 339 p.